

СОКОЛОВА Алла Николаевна
доктор искусствоведения, профессор,
ведущий научный сотрудник Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация
professor_sokolova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7992-3902

УДК: 323.15: [[316.722:17.026.2]+78.085.7](470.621)"312"
ГРНТИ: 13.11.44
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

Культурные практики курдов Адыгеи как ресурс формирования и сохранения этнической, региональной и общероссийской идентичностей¹

Автор выявляет специфику функционирования художественных практик курдов Адыгеи. Наблюдения последних лет и неформальные интервью с руководителем курдской общины Адыгеи Ф. Абдулаевым и уполномоченным представителем Национального конгресса Курдистана в России Ф. Патиевым дали возможность представить современные художественные практики проживающих в регионе курдов в контексте сохранения и формирования идентичностей различного уровня и характера. Показаны механизмы и инструменты, позволяющие сохранить родной язык (курманджи) и аутентичные танцы. Рассмотрены различные разновидности говандов (хороводов), распространенные у курдов Адыгеи, упомянуты общенациональные варианты танца. Среди особенностей функционирования культурных практик курдов Адыгеи отмечены: сакральный характер, создающий этнодифференцирующий эффект; функция производства и потребления духовных ценностей; эмоциональная окраска; соответствие праздничным дням курдского календаря; непосредственное влияние на повседневность.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Южным филиалом ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» государственного задания по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

Ключевые слова: курды Адыгеи, культурные практики, художественные практики, гованд, виртуальная родина, малая родина.

Введение. В современной науке происходит все более глубокое и расширенное постижение культуры, что отчасти отражается в категориальном аппарате культурологии. Основательность научного поиска характеризуется многочисленными концептами: «культурные коды», или «коды культуры», «медиакультура», «культурный архив», «культуротворчество», «культуромика», «культурные индустрии», «культурный кластер», «культурные инновации», «креативность», «креативный класс», «творческая экономика», «экономика впечатлений», «социопрагматика культуры» и др. Одним из расхожих стало понятие «культурные практики», под которым понимаются любые виды деятельности отдельных социальных групп, в том числе и этнических. Парадокс заключается в том, что, задаваясь целью формирования общероссийской нации, государство, как и специалисты в области гуманитарных наук, не могут преодолеть этническую дифференциацию общества, поэтому изучение этнических групп, бытующих в отдельных регионах, остается актуальной научной задачей, решение которой представляется значимым для управления регионом и государством в целом.

В фокусе нашего внимания находятся художественные практики, под которыми понимаются акции традиционного досугового времяпрепровождения. Именно такие практики не только маркируют этнос, но и, как правило, являются «мостиком» для межкультурных коммуникаций, обеспечивающих эмпатию и интерес. Предварительно сделаем уточнение отом, что из всех видов культурных практик этноса (повседневных, обрядовых, праздничных) мы ограничиваемся в исследовании эстетическими и художественными.

Один из относительно новых этнических кластеров в Краснодарском крае и Республике Адыгея определен курдами – ираноязычным народом, представители которого сразу после распада СССР стали прибывать в обозначенный регион из Армении, Грузии, Казахстана и Киргизии. В тот период курды расселились

также на различных территориях России: в Ставропольском крае, в Саратовской, Нижегородской, Ярославской областях. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в период ее проведения на территории Российской Федерации проживало более 50 тыс. курдов, в то же время численность курдов в Адыгее составляла 5 233 человека (пятая позиция по численности среди всех этносов республики), что соответствовало 1,05% от общего состава населения [9].

Российским курдам посвящено относительно немного исследований, вышедших в основном во втором десятилетии XIX в. [5] [6] [13]. Их авторы концентрировали свое внимание главным образом на различных аспектах этнической истории, проблемах сохранения культурной самобытности и интеграции в российский социум. Отдельному изучению подвергались различные элементы курдской национальной культуры, в частности танцев [1].

Гораздо более значителен корпус исследований, связанных с курдами Адыгеи. Так, на примере региона изучалась история переселения на его территорию курдов и проводился анализ проблем вхождения их в принимающие сообщества [7] [8] [10] [17]. В основном исследователей интересовали социально-экономические проблемы, сопровождавшие эти процессы [18] [19]. Внимание уделялось фольклорной проблематике [14] и вопросам, связанным с этнической идентичностью и культурной памятью [15] [16].

Причины и условия размещения курдов в Республике Адыгея были изучены нами в рамках трехгодичного проекта, финансируемого РГНФ в 2012–2014 гг. (проект Российского гуманитарного научного фонда «Социокультурная адаптация курдов Адыгеи и прогностика развития этногруппы»). Итоги этого исследования представлены в монографии «Курды Адыгеи» [10]. Кроме проблем социального характера, авторы коснулись основных ценностных ориентаций этногруппы, охарактеризовали ее структурно-

морфологический состав, собрали экономический и социокультурный «портрет» курдской этнической общности в регионе. Важное значение имеют описания свадеб и других обрядов, распространенных в курдской диаспоре Адыгеи, а также характеристика особенностей, определяющих отношение ее представителей к образованию и к художественной деятельности. Авторами была выявлена особая значимость семейно-родовых обрядов жизненного цикла, объединяющая до тысячи людей. Весьма специфические характеристики этих обрядов «не вписывались» в культуру принимающего сообщества, что порождало определенное недопонимание соседей. Сейчас, спустя десять лет после завершения работы над проектом, важно проверить, какие изменения произошли за этот период в культурном развитии этногруппы, как реализуются главные интенции культурных практик – сохранение, передача и дальнейшее развитие системы значений и смыслов, культурных кодов этноса.

По прошествии почти трех десятилетий пребывания курдской общины в Адыгее в социальную жизнь вступило новое поколение курдов, родившихся в регионе, принявших культуру европейской одежды, осознавших ценность получения образования. При этом главной задачей общины было и остается сохранение этнической идентичности. Одним из важнейших каналов обеспечения сохранности этнической культуры и самосознания становятся культурные практики. Вопрос значимости этих практик в аспекте стабильного функционирования различных уникальных моделей этноидентичности для науки остается открытым, что и актуализирует тематику нашей статьи.

Целью исследования является выявление особенностей, характеризующих функционирование культурных практик курдов Адыгеи. Ядром методологического инструментария стали методы включенного наблюдения и экспертного неформального интервью. Подобные интервью, ставшие основой материалов исследования, были проведены автором с руководителем курдской общины Адыгеи Файзо Абдулаевым [11] и уполномоченным представителем Национального конгресса

Курдистана в Российской Федерации Фархатом Патиевым [12] в мае-июне 2024 г.

В исследовании предполагается выявить основные особенности сохранения этничности курдов Адыгеи, в том числе путем обращения к традиции проведения многолюдных свадеб с обязательным исполнением говандов (хороводов, имеющих разнообразную форму). После рассмотрения разновидностей этого танца необходимо сосредоточить внимание на сакральности танцевальных практик, изучив затем степень закрытости курдского сообщества Адыгеи. Важность для исследования также представляют: выявление характерных черт, присущих современной языковой ситуации в региональном курдском сообществе; рассмотрение практики обучения танцам у курдов Адыгеи; определение степени интереса к декоративно-прикладному творчеству и художественной деятельности у представителей данной этнической общины.

Новизна проведенных научных изысканий связана прежде всего с включением в гуманитаристику нового знания об этногруппе, ставшей частью регионального и общероссийского сообщества.

* * *

Главная задача для руководства курдской общины и для каждого члена этого сообщества состоит в самосохранении: в сохранении языка, культуры, традиций, религии. Язык представляется важнейшим манифестантом этничности. При том что курманджи (язык курдов Адыгеи) официально в республике не изучается, миссия его сохранения ложится на семью. Даже в смешанных семьях, где мать армянка, отец и его ближайшие родственники ответственны за трансляцию языка¹. Бытовое ограничение языка, безусловно, обедняет его, но здесь на помощь приходит спутниковое телевидение и несколько мощных курдских каналов из Бельгии и Турции. Их интересные и разнообразные программы в курдских домах смотрят постоянно, поэтому художественные и эстетические ценности пе-

¹ Сошлемся на пример Эрика Ахметова, магистранта Института искусств Адыгейского государственного университета, знающего язык, несмотря на то, что его мать – армянка – Прим. авт.

редаются детям и таким способом. Надо особо выделить роль курдских каналов в формировании единого виртуального курдского пространства. Народ, не имеющий собственного государства, существует в мире виртуального Курдистана со своей музыкой, легендами, мифами, кумирами, политическими лидерами и проч.

Другой фактор сохранения этничности курды Адыгеи видят в близкородственных браках, традициях выбора невесты родителями (чаще матерью жениха) и раннем замужестве. Девочки до сих пор выходят замуж в 15–17 лет, не имея опыта какого-либо личного знакомства с людьми противоположного пола вне курдского сообщества. Фархат Патиев, один из лидеров российских курдов, в интервью подчеркивал, что он категорически осуждает ранние браки, ратует за то, чтобы дети курдов получали образование – заканчивали среднюю школу, колледжи, вузы. И в то же время он понимает глубинные причины таких традиций, строгое следование им в среде курдов Адыгеи, объясняя это бесконечными переездами, связанными с гонениями, конфликтами между странами и другими народами, в которых заложниками оказывались курды [12].

Важным каналом сохранения этничности служат семейно-бытовые традиции, особенно многолюдные свадьбы с обязательным исполнением говандов. Гованд – это хоровод, имеющий линейную, полукруговую или круговую форму. В прежние времена, по словам Фархата Патиева, в гованд становились поочередно мужчины и женщины. Сейчас под влиянием ислама мужчины могут танцевать отдельно от женщин или малыми группами. Последний мужчина и первая женщина, как правило, являются родственниками [12].

Исследователь и преподаватель курдского языка Фархат Патиев, ныне сопредседатель национальной культурной автономии курдов России, рассказал нам о нескольких разновидностях гованда, которые отличаются по положению ног и рук [12]. В частности, можно выделить гованды: с высоким поднятием колена; с высоким поднятием пятки, когда нога закидывается назад; без высоких положений ног, с так называемыми «вялыми

коленями». Фиксируются также три положения рук: мизинчиковое, при котором цепочка танцующих сцепляется мизинцами рук; ладонные, при котором танцующие держатся за руки; и поясничные, при котором танцующие обхватывают рядом стоящих за талии. При этом различаются трехшаговые и четырехшаговые гованды. Ученые насчитывают более четырехсот видов говандов, но в каждом отдельном регионе танцуют примерно 7–8 видов. Существуют еще и отдельно мужские и женские гованды – в зависимости от региона, места исполнения и функции танца. Общекурдским является гованд под названием «Далило» – возможно, название сохранилось от одноименной песни. Это четырехшаговый гованд с мизинчиковым положением рук и высокими коленями. Есть еще трехшаговый гованд секе, гованды баблукан и кас-кас. Поскольку при переселениях выходцы из Ыгдыра, Агры, Карса, Вана² смешиваются, танцы меняются. Иногда приходится приспособливаться к тому виду гованда, который знает большинство в данном регионе.

В гованд новый танцующий может войти в любой момент, на время разрывая цепь. По воспоминаниям Фархата Патиева, в детстве они любили пробегать между танцующими. Это была не только забава, но и в определенной мере проверка на «правильность» исполнения танца, прочность его цепи [12].

Достаточно подробное описание гованда важно потому, что именно этот танец является одной из важнейших художественных практик, обеспечивающих этническую идентичность. Более того, внутри полиэтничного сообщества танец обретает сакральность, связанную с нежеланием показывать его на сцене или в условиях массовых общественных праздников, где демонстрируется культура народов Адыгеи в контексте региональной или общероссийской идентичности. Душа этого танца состоит в его исполнении, в коллективном многолюдном участии, а отнюдь не в манифестации курдской культуры, в том, чтобы на него смотрели со стороны.

Курдская община Адыгеи остается довольно закрытой для регионального сооб-

² Города, расположенные на территории современной Турции – Прим. авт.

щества. Каналами повседневного общения являются отнюдь не художественные практики, а розничная и оптовая торговля, сельское хозяйство. Художественный и эстетический кластер маркирует курдскую культуру внутри этноса. Важным идентификационным маркером выступает музыка, хотя по отношению к ней довольно горячие споры ведутся с армянами и турками – не только на уровне простых людей, но и среди музыкантов-исполнителей и ученых. Эти споры случаются как в интернет-пространстве, в социальных сетях, так и при окказиональных личных контактах в кафе и ресторанах. Иногда выяснение «чья это музыка», «кто у кого украл песню» приводит к горячим спорам и даже рукоприкладству [2].

В современной ситуации, когда судом была ликвидирована общественная организация курдов Республики Адыгея «Агры» (август 2020 г.), внутри сообщества только укрепляются этнические характеристики культуры, при этом испытывает ресурсный дефицит региональная и общероссийская идентичности. Внутри курдской общины после официального закрытия их организации практически ничего не изменилось. Продолжает существовать «Курдский дом», правление, так же отмечаются важные для этноса памятные даты. При этом теперь отсутствует необходимость обязательного написания отчетов, ведения сайта, участия в республиканских мероприятиях. Община и руководство ею осуществляется в прежнем режиме, но не официально. По отношению к курдам в республике нет специальных программ или фокуса в направлении формирования региональной и общероссийской идентичности с учетом численности и прогностики развития этногруппы. Главными задачами остаются создание ситуации межнационального согласия, отсутствия каких-либо конфликтов на национальной почве и преодоление любых противоправных ситуаций и действий.

Понятно, что движение в направлении инкультурации, формирования диалога культур и создания региональной и общероссийской идентичности должно быть обоюдонаправленным, двусторонним. Поиск взаимовыгодного бытия, стремление видеть

и выделять положительные стороны сожития – вот задача настоящего и будущего. Заботиться о селе, в котором живешь, о дорогах, о школе, в которой учатся твои дети, приумножать благосостояние своего дома, своей второй родины Адыгеи и России – в этом высший нравственный и духовный смысл такого сожития. Преодоление сепарации, закрытости, отчужденности – задача не одного десятилетия. Важно, чтобы декларировались такие желания и разрабатывались шаги по их исполнению.

Пока же мы констатируем меньшую открытость курдской общины в сравнении даже с ситуацией прошедшего десятилетия. Тридцатилетнее пребывание курдов в Адыгее для многих ее членов – особенно для тех, кто родился и вырос в республике, – меняет представление о ней как о территории временного проживания. Адыгея воспринимается «малой родиной», в которой молодежь видит свое будущее. Возможно, поэтому курдские парни идут на СВО, а соплеменники на общественные деньги покупают и передают на фронт генератор, электроинструменты и питьевую воду [11]. Все больше детей курдов стали получать полноценное девятилетнее образование – и в этом видна определенная роль Министерства образования Адыгеи, строже контролирующего выполнение «Закона об образовании» (особенно в последние 3 года). Практически вся курдская молодежь двуязычна. Они чисто говорят на русском языке, хорошо знают устный родной язык. К сожалению, организованного обучения письменному курдскому языку не происходит из-за отсутствия соответствующих учебников, утвержденных в России. Курды старше пятидесяти лет отлично говорят на армянском, но для молодежи этот язык оказался невостребованным.

Танцевальная практика для курдов Адыгеи остается массовой и активной, что, с одной стороны, наряду с родным языком, становится определенным фундаментом сохранения этничности, а с другой – соответствует этнокультурному тренду всего Северного Кавказа, где аутентичный танец является доминирующим маркером этнокультуры. Основной формой обучения танцевальному искусству в курдском сообществе остается обучение че-

рез наблюдение. Танцевальная «насмотренность» есть высшая форма аутентичности. Тем не менее в течение 8 лет при «Курдском доме» в селе Белом существовал танцевальный кружок, которым руководила Барфин Мамедова – певица, исполнитель на гитаре, человек, побывавший во всех станах, где проживают курды, – в Ираке, Сирии и Турции [3]. Она хорошо знала особенности исполнения различных курдских танцев и учила этому молодых девочек³. На просторах интернета имя Барфин Мамедовой представлено довольно широко, особенно в курдском и англоязычном сегменте, а в Адыгее она практически неизвестна. И это еще одно доказательство закрытости курдской общины, нежелание культурно интегрироваться в многонациональное сообщество Адыгеи.

Рассуждая о формировании в курдской этногруппе художественной элиты, без которой общество не может быть здоровым, нельзя не отметить отсутствие интереса к декоративно-прикладному творчеству и художественной (живописной) деятельности. Если в прошлом ковроткачество было важной составляющей в воспитании девочек, то сегодня рукоделие практически ушло из повседневной жизни курдянок. Интерес к живописи также не характерен для их детей, хотя в районе существует художественная школа достойного уровня. Файзо Абдулаев объясняет такое положение дел многими причинами и не в последнюю очередь отсутствием уроков и кружков живописи непосредственно в сельских школах, где в основном проживают курды [11]. Тем не менее на выставке детских рисунков в Москве, организованной сообществом курдов России, три работы из Адыгеи были отмечены. Живописному оформлению интерьера своих жилищ курды предпочитают «иконостас» из портретов современных курдских политических лидеров.

* * *

Заключение. Трудно не согласиться с В. П. Большаковым, считающим, что «практики художественного освоения людьми окружающей среды переносятся и на характер взаимодействия с этой средой» [4, с. 38]. В кон-

³ В настоящее время Барфин Мамедова живет во Франции – *Прим. авт.*

тексте обсуждаемых проблем указанная корреляция может рассматриваться амбивалентно. С одной стороны, именно художественные практики для курдов остаются важными и сильными скрепами этничности, ибо имеют эмоциональную окраску, соответствуют особым (праздничным дням) дням курдского календаря. Они влияют и на повседневность, которая в условиях компактного сожительства воспринимается как «небольшой перерыв» между ритуалами, обрядами, свадьбами и праздниками. Курдская повседневность все более и более теряет этнические характеристики и становится похожей на среднестатистическую жизнь сельского южанина (работа в поле, домашнее хозяйство, торговля, учеба детей, строительство нового дома и т.п.). С другой стороны, именно художественные практики «закрывают» общину и создают невидимую границу между «мы» и «они». Художественные практики выступают в качестве форм производства и потребления духовных ценностей, поэтому они оберегаются «от чужих глаз», сакрализуются как некие сокровища, доставшиеся от предков. Открыть художественные практики для принимающего сообщества чревато «распылить» этнические ценности, утратить иерофанию, «опуститься» до профанного. При этом есть риск получить негативную оценку со стороны иноэтнических соседей, не владеющих кодами курдской художественной культуры.

Найти баланс между «высокой художественной реальностью», маркирующей курдскую этничность, и идеологической (гражданской) реальностью бытия – задача, которую должны решать соответствующие властные структуры – Комитет по делам национальностей, Комитет по делам молодежи, Министерство культуры Республики Адыгеи. Отсутствие курдской общины в сообществе диаспор Адыгеи не способствует их региональной интеграции. Поиск путей взаимодействия курдской общины (к слову сказать, весьма организованной) и остальной части населения республики становится проблемой в том числе и научной. От ее решения, от конкретных предложений, выработанных содружеством ученых, будет зависеть судьба всех курдов Адыгеи и каждого его представителя.

Alla N. SOKOLOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof.,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation
professor_sokolova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7992-3902

***Cultural Practices of the Kurds of Adygea
as a Resource of the Formation and Preservation
of Ethnic, Regional and All-Russian Identities¹***

Abstract. The author reveals the specifics of the functioning of artistic practices of the Kurds of Adygea (the southern region of Russia, located in the North-West Caucasus). Observations of recent years and interviews with Faizo Abdullayev, the head of the Kurdish community of Adygea, and Farhat Patiev, the authorized representative of the National Congress of Kurdistan in Russia, allowed us to present modern artistic practices of the Kurds living in the region in the context of preserving ethnic and forming regional and all-Russian identities. The main research methods were included observation and expert informal interviews. The main directions of preserving the ethnicity of the Kurds of Adygea were identified. The role of Kurdish satellite channels in the formation of a single virtual space, popularization of the values of ethnic culture and preservation of the language is reflected. The causes and consequences of early consanguineous marriages among representatives of the Kurdish community are revealed. The author points out that the tradition of holding crowded weddings with the obligatory performance of govands (round dances of linear, semicircular or circular form) is of great importance for preserving the ethnicity of the Kurds of Adygea. Various types of govands common among the Kurds of Adygea are considered, and national versions of the dance are mentioned. The sacredness of dance practices is noted, associated with the reluctance of the bearers of ethnic culture to demonstrate it in a stage performance or in the context of mass public holidays. The author draws attention to the closed nature of the Kurdish ethnic community, which causes a deficit of regional and all-Russian identity. This deficit is aggravated by the lack of a public organization among the Kurds of Adygea; there are no special programs in the Republic aimed at working with this ethnic group. Meanwhile, it is stated that the Kurdish community has currently become somewhat more open than ten years ago. The features of the modern language situation in the regional Kurdish community are revealed. The practice of teaching dances to the Kurds of Adygea is touched upon, and the lack of interest of community representatives in decorative and applied arts and artistic activities is noted. Among the features of the functioning of the cultural practices of the Kurds of Adygea are: a sacred character that creates an ethnodifferentiating effect; the function of production and consumption of spiritual values; emotional coloring; compliance with holidays of the Kurdish calendar; direct influence on everyday life, which is perceived as a “small break” between rituals and holidays.

Keywords: Kurds of Adygea, cultural practices, artistic practices, govand, virtual homeland, small homeland.

Использованная литература:

1. Абы Ш., Одинцова Т. А. Социально-политическая значимость курдского национального танца // Вопросы

References:

1. Aby, Sh. & Odintsova, T.A. (2022) Socio-Political Significance of Kurdish Dance. *Voprosy natsional'nykh i federa-*

¹ This article was prepared as part of the state assignment to the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, research theme “Practices of Cultural Life of Multi-Ethnic Regions of Russia and Problems of Formation of Civil Identity”, No. 124012800530–4.

национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 3 (84). С. 764–773. DOI 10.35775/PSI.2022.84.3.009.

2. Анкоси И. А. Культурный аспект армяно-курдских отношений: плагиат на уровне государственной политики Армении или... (Часть I). [Электронный ресурс] // Kurdistan.ru. URL: http://kurdistan.ru/2009/10/22/articles-1785_Kulturnyyu_aspekt_arm.html (дата обращения: 27.07.2024).

3. Барфин Мамедова из Казахстана Курдская Народная Артистка – Османов Рамазан Каримович [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AMyF1sSvdBU> (дата обращения: 28.07.2024).

4. Большаков В. П. Культурные практики эстетического и художественного освоения человеком мира // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (30). С. 36–39.

5. Бугай Н. Ф. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010-е годы). СПб.: Алетейя, 2012. 480 с.

6. Ермакова Е. Проблемы национально-культурной автономии курдов в России и в мире // Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Тверь, 19–20 октября 2012 г.). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 200.

7. Жаде З. А. Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3 (124). С. 206–212.

8. Жаде З. А., Шадже А. Ю. Социокультурная адаптация курдов в Республике Адыгея: социологический дискурс // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. С. 31–35.

9. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками. Табл. 1. Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: [https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020\(2\).xlsx](https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020(2).xlsx) (дата обращения: 29.07.2024).

10. Курды Адыгеи: монография / гл. ред. А. Н. Соколова; ред. А. Ю. Шадже и З. А. Жаде. Майкоп: Качество, 2015. 204 с.

11. Полевые материалы автора. Телефонное интервью с сопредседателем совета Федеральной национально-культурной автономии курдов Российской Федерации Патиевым Фархатом Абдурахмановичем, 1987 г.р. Российская Федерация, г. Майкоп, июнь 2024 г., аудиозапись.

12. Полевые материалы автора. Телефонное интервью с руководителем курдской общины Республики Адыгея Абдулаевым Файзо Гусейновичем, 1967 г.р. Российская Федерация, г. Майкоп, май 2024 г., аудиозапись.

13. Радиков И. В., Тозал М. Курдское национальное меньшинство в России: два века решения проблемы сохранения этнической самобытности // Политическая экспертиза: Политэкс. 2015. Т. 11, № 2. С. 50–60.

tivnykh otnosheniy. 12:3 (84). pp. 764–773. (In Russian). DOI: 10.35775/PSI.2022.84.3.009

2. Ankosi, I.A. (2009) *Kul'turnyy aspekt armenyo-kurdskikh otnosheniy: plagiat na urovne gosudarstvennoy politiki Armenii ili... (Chast' I)* [Cultural Aspect of Armenian-Kurdish Relations: Plagiarism at the Level of State Policy of Armenia Or... (Part I)]. Kurdistan.ru. [Online] Available from: http://kurdistan.ru/2009/10/22/articles-1785_Kulturnyyu_aspekt_arm.html (Accessed: 27.07.2024).

3. YouTube. (2024) *Barfin Mamedova iz Kazakhstana Kurdskaya Narodnaya Artistka – Osmanov Ramazan Karimovich* [Barfin Mamedova From Kazakhstan Kurdish People's Artist – Osmanov Ramazan Karimovich]. [Video]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=AMyF1sSvdBU> (Accessed: 28.07.2024).

4. Bol'shakov, V.P. (2017) *Kul'turnye praktiki esteticheskogo i khudozhestvennogo osvoeniya chelovekom mira* [Cultural Practices of Aesthetic and Artistic Exploration of the World by Man]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 1 (30). pp. 36–39.

5. Bugay, N.F. (2012) *Kurdskiy mir Rossii: politiko-pravovaya praktika, integratsiya, etnokul'turnoe vozrozhdenie (1917–2010-e gody)* [The Kurdish World of Russia: Political and Legal Practice, Integration, Ethnocultural Revival (1917–2010s)]. St. Petersburg: Aleteyya. 480 p.

6. Ermakova, E. (2012) [Problems of National and Cultural Autonomy of the Kurds in Russia and in the World]. *Problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy: sostoyanie i perspektivy* [Problems of Interethnic Relations: State and Prospects]. Conference Proceedings. Tver. 19–20 October 2012. Tver: Tver State University. p. 200.

7. Zhade, Z.A. (2013) *Spetsifika proyavleniya mezhetnicheskoy napryazhennosti v mestakh kompaktnogo poseleniya kurdiv v Respublike Adygeya* [Specifics of Manifestation of Interethnic Tension in Places of Compact Settlement of Kurds in the Republic of Adygea]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 3 (124). pp. 206–212.

8. Zhade, Z.A. & Shadzhe, A.Yu. (2012) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya kurdiv v Respublike Adygeya: sotsiologicheskii diskurs* [Sociocultural Adaptation of Kurds in the Republic of Adygea: Sociological Discourse]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 10. pp. 31–35.

9. Office of the Federal State Statistics Service for Krasnodar Krai and the Republic of Adygea. (2024) *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 g. T. 5: Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami. Tabl. 1. Natsional'nyy sostav naseleniya* [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 5: Ethnic Composition and Language Proficiency. Table 1. Ethnic Composition of the Population]. [Online] Available from: [https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020\(2\).xlsx](https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020(2).xlsx) (Accessed: 29.07.2024).

10. Sokolova, A.N. (ed.) (2015) *Kurdy Adygei* [Kurds of Adygea]. Maykop: Kachestvo. 204 p.

11. Author's Field Materials. *Telefonnoe interv'yu s copredsedatelem soveta Federal'noy natsional'no-kul'turnoy avtonomii kurdiv Rossiyskoy Federatsii Patievym Farkhatom Abdurakhmanovichem, 1987 g.r. Rossiyskaya Federatsiya, g. Maykop, iyun' 2024 g., audiozapis'* [Telephone Interview With Farkhat Abdurakhmanovich Patiyev, Co-chairman of the Council of the Federal National-Cultural Autonomy

14. Раздорская О. В., Набиев М. Ф. Курдский фольклор как элемент региональной культуры республики Адыгея // Мир культуры: история и современность: сб. ст. по материалам науч. конф. (Курск, 14–15 апреля 2016 г.) / гл. ред. Г. А. Салтык; отв. ред. Т. Н. Арцыбашева. Курск: Курский гос. ун-т, 2016. С. 116–121.
15. Шадже А. Культурная политика памяти и идентичности: на примере этногруппы курдов Адыгеи // Этничность, религия и политика: сб. тр. конф. (Ялта, 21–25 мая 2014 г.). Ялта: Ариал, 2015. С. 451–454.
16. Шадже А. Ю. Культурная память и этническая идентичность курдской общины: концептуально-методологический подход // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3 (124). С. 163–170.
17. Шаповаленко А. Н. Проблемы и перспективы школьного образования детей курдов-переселенцев в Республике Адыгея // Социодинамика. 2013. № 2. С. 223–242. DOI 10.7256/2306-0158.2013.2.398.
18. Шовгенов Т. М. Курды в отраслях народного хозяйства Республики Адыгея // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 11-1 (27). С. 419–423.
19. Шовгенов Т. М. Экономические аспекты адаптации курдов в Адыгее // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2011. № 4. С. 270–276.
- of the Kurds of the Russian Federation, Born in 1987. Russian Federation, Maykop, June 2024, Audio Recording].
12. Author's Field Materials. *Telefonnoe interv'yu s rukovoditelem kurdskey obshchiny Respubliki Adygeya Abdulaevym Fayzo Guseynovichem, 1967 g.r. Rossiyskaya Federatsiya, g. Maykop, may 2024 g., audiozapis'* [Telephone Interview With Faizo Guseynovich Abdullayev, the Head of the Kurdish Community of the Republic of Adygea, Born in 1967. Russian Federation, Maykop, May 2024, Audio Recording].
13. Radikov, I.V. & Tozal, M. (2015) Kurdsкое natsional'noe men'shinstvo v Rossii: dva veka resheniya problemy sokhraneniya etnicheskoy samobytnosti [Kurdish National Minority in Russia: Two Centuries of Solving the Problem of Preserving Ethnic Identity]. *Politicheskaya ekspertiza: Politiks.* 11 (2). pp. 50–60.
14. Razdorskaya, O.V. & Nabiev, M.F. (2016) [Kurdish Folklore as an Element of Regional Culture of the Republic of Adygea]. *Mir kul'tury: istoriya i sovremennost'* [The World of Culture: History and Modernity]. Conference Proceedings. Kursk. 14–15 April 2016. Kursk: Kursk State University. pp. 116–121. (In Russian).
15. Shadzhe, A. (2015) [Cultural Politics of Memory and Identity: On the Example of the Ethnic Group of Kurds of Adygea]. *Etnichnost', religiya i politika* [Ethnicity, Religion and Politics]. Conference Proceedings. Yalta. 21–25 May 2014. Yalta: Arial. pp. 451–454. (In Russian).
16. Shadzhe, A. (2013) Yu. Kul'turnaya pamyat' i etnicheskaya identichnost' kurdskey obshchiny: kontseptual'no-metodologicheskij podkhod [Cultural Memory and Ethnic Identity of the Kurdish Community: A Conceptual and Methodological Approach]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* 3 (124). pp. 163–170. (In Russian).
17. Shapovalenko, A.N. (2013) Problemy i perspektivy shkol'nogo obrazovaniya detey kurdiv-pereselentsev v Respublike Adygeya [Problems and Prospects of School Education of Children of Kurdish Settlers in the Republic of Adygea]. *Sotsiodinamika.* 2. pp. 223–242. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.2.398
18. Shovgenov, T.M. (2012) Kurdy v otraslyakh narodnogo khozyaystva Respubliki Adygeya [Kurds in the Sectors of the National Economy of the Republic of Adygea]. *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk.* 11-1 (27). pp. 419–423.
19. Shovgenov, T.M. (2011) Ekonomicheskie aspekty adaptatsii kurdiv v Adygee [Economic Aspects of Kurds' Adaptation in Adygea]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Ekonomika.* 4. pp. 270–276.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Соколова, А. Н. Культурные практики курдов Адыгеи как ресурс формирования и сохранения этнической, региональной и общероссийской идентичностей / А. Н. Соколова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.003 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 41–49. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/623/537> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Sokolova, A.N. (2024) Cultural Practices of the Kurds of Adygea as a Resource of the Formation and Preservation of Ethnic, Regional and All-Russian Identities. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 3. pp. 41–49. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.003.